

# НАША СТРАНА

Год издания—44-ый. Буэнос Айрес, суббота 8 февраля 1992 "NUESTRO PAIS" Buenos Aires, sábado 8 de febrero de 1992 № 2166

Игорь Дьяков

## ДЕЛО, КОТОРОЕ БОЛЬШЕ НАС

К 100-летию со дня рождения И. Л. Солоневича

Православие, Самодержавие, Народность... Эти три понятия, должным образом разъясненные<sup>1)</sup> в соответствии с требованиями времени, и являются твердым основанием для уموпостроений относительно наших судеб, как личных, так и общественных. Из этого триединства в духовном отношении только и может состояться в полной мере и Русская семья, и Русская Держава. Благодаря ему, в конечном счете, укрепится и тот волосок, на котором повис над пропастью земной шар.

Многотруден путь к ясному пониманию, а тем более пониманию прочувствованному, побуждающему к действию. Но идти по нему следует решительно, иначе нравственные капканы, «зботливо» расставленные врагами рода русского, уловят последних из нового «подгона», свободного от рабовладельческих догм марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

Итак, Солоневич. Этот державный голос, с нежной силой вправляющий мозги пытаемым вот уже сколько десятилетий русским, донесся до нас совсем недавно. Но по сей день, начиная с сороковых годов издается в далекой Аргентине газета им основанная. Ее девиз: «Мы проводим столыпинскую линию: ни реакции, ни революции». Тираж маленький, но название — «Наша Страна» — и внимательное чтение ее материалов наводит на мысль, что газета эта во много раз более «наша», нежели подавляющее большинство выходящих на территории бывшей Российской Империи изданий. Газета, как и одноименное издательство переживает не лучшие времена. Более того, скорее всего глупая провокация — это международное противорусское действо — проникла и туда. Но импульс, данный ее основателем, продолжает действовать. Уж больно громадна фигура...

Имя Ивана Лукьяновича неизбежно должно было появиться на мгlistом горизонте запутавшейся в плурализме перестройки. Вполне закономерно, что появилось оно в самую последнюю очередь благодаря усилиям людей совершенно точно не связанных со Старой Площадью и ее хитрымудрым Агитпропом, плодящим журнально-издательских и парламентско-митинговых марионеток, призванных изображать «борьбу» между собой.

Сведения о его жизни пока что явно недостаточны. Это и не мудрено: слишком долго он относился к числу авторов, чьи произведения можно было читать только в спецхране без права делать выписки, да еще в присутствии компетентного «товарища».

Было два брата (может и больше) — Трофим и Лукьян. Отец их Михаил был

священником, выходцем из семьи белорусских крестьян. У Лукьяна Михайловича, ученого, занимавшегося молочно-кислыми бактериями, от первого брака родилось два сына, Борис и Иван (последний появился на свет 14 ноября 1981 года). (К детям от второго брака, после смерти первой жены Лукьяна Михайловича, мы еще вернемся). Семья жила небогато, но насыщенной интеллектуальной жизнью. Братья занимались спортом: Иван — борьбой, Борис — футболом и борьбой. В гости к ним заезжал сам Иван Поддубный, и вся семья нередко была свидетелем того, как Иван Лукьянович в

товарищеской схватке клал на лопатки именитого гостя.

Иван Солоневич зарабатывал свой хлеб с 15 лет. Экстерном сдал экзамены на аттестат. Поступил в университет, учился там на собственные деньги; таких студентов, по его словам, «было сколько угодно». Известность спортсмена подкреплялась известностью репортера. Одно время Солоневич сотрудничает в суворинском «Новом времени».

Переворот 1917 года он оценивал однозначно, и оценка эта не изменилась до самой смерти. Она передана в диалоге, приведенном в его капиталь-

ном труде «Россия в концлагере»:

«... Так же, как и сейчас, я бессилен против человеческого сумасшествия».

— Революцию вы считаете сумасшествием?

— Я не вижу никаких оснований скрывать перед вами этой прискорбной точки зрения».

Да, он имел моральное право на такое собственное мнение. И не только потому, что 26-летним встретил «Великий Октябрь» и еще 17 лет жил в «России-концлагере», но и потому, что имел возможность объездить всю страну и, обладая живым, общительным характером, встречался — разговаривал с тысячами людей.

Революция застала Солоневича на юге России, где он стал свидетелем ужасов Гражданской войны, в частности одесских расстрелов и знаменитой бойни, устроенной ЧК<sup>2)</sup> (и «ЦК») в Киеве. Иван Лукьянович сотрудничает в белых газетах; вместе с Врангелем, в войсках которого погиб один из его двоюродных (?) братьев, эвакуируется в Турцию, но вынужденно, по семейным обстоятельствам возвращается в Советскую Россию.

Неисправимый оптимист, талантливый спортивный организатор и журналист. Внешне жизнь Солоневича выглядит благополучно. Он сотрудничал с «Известиями», пишет брошюры-пособия по борьбе и гиревому спорту для милиции и даже войск ГПУ (одна из книг была конфискована), преподает на курсах комсостава милиции. Однако движет им отнюдь не лояльность к строю, который он не перестает считать канибальским по отношению к русскому народу, а желание хоть как-то помочь физически выжить русским людям, попавшим в кабалу «мировой революции». Среди тех, кому помогал Иван Лукьянович, — «рабочие, надорванные непосильным трудом, студенты, изъеденные туберкулезом; служащие, очумелые от вечных перебросок и перестроек (! — И. Д.), — все это недоедающее, истрепанное, охваченное тем, что по официальному термину зовется советской изношенностью...» Владычество коммунистов (как «троцкистов», так и «сталинистов») над Россией «обеспечило» перманентный геноцид русского народа, и Солоневич пытается профессионально противостоять этой тупо-расчетливой «политике». Хотя и вполне сознает, что его на это просто не может «хватить».

Мысль об исходе из «социалистического рая» жила в Иване Лукьяновиче с того самого момента, когда

2) Товарищ оберпрокурора Св. Синода Н. Д. Жевахов отмечал: «... кто знает еврейский язык, знает и то, что слово «чека» является не только сокращением слов «чрезвычайная комиссия», но на еврейском языке выражает «бойню для скота», то есть как раз отвечает понятиям Талмуда, рассматривающим каждого не-еврея, как животное...». Отсюда, кстати, ведет свое происхождение и название города Чикаго.

### ОБРАЩЕНИЕ ГЛАВЫ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА КИРИЛЛОВИЧА К АРМИИ

Дорогие воины, защитники нашего отечества!

Я всегда с большой симпатией и любовью относился к военным, как и мои предки, сердцу которых армия была так близка. Они гордились подвигами русских воинов, которых вели к победам такие великие полководцы как Румянцев, Суворов, Кутузов, Нахимов и другие.

Я с особым вниманием следил за участием армии в недавних августовских событиях в Москве и Петербурге и горжусь той ролью, которую она в них сыграла.

Надеюсь, что вы продолжите славные традиции русской армии и будете всегда на страже интересов нашего отечества.

### ОБРАЩЕНИЕ ГЛАВЫ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА КИРИЛЛОВИЧА К РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Дорогие молодые соотечественники! Наша родина переживает сегодня трудное во многих отношениях время. Это время крутых перемен, когда Россия формально освободилась от наваждения коммунизма, но в действительности лишь встает на путь возвращения к исконным духовным ценностям.

Завтра в ваших руках окажется судьба нашего многострадального отечества. Поэтому мне представляется необходимым в этот судьбоносный момент обратиться непосредственно к вам — юношам и девушкам, молодым россиянам.

Сегодня — после поднятия железного занавеса — я хочу предостеречь вас от тех материальных и духовных соблазнов, которые лежат на поверхности жизни и которые в значительной степени отравили западную молодежь, снизив ее творческий потенциал и лишив ее в какой-то мере нравственной сопротивляемости. Безусловно, следует использовать полезный опыт накопленный странами Запада. Но прежде всего я желаю вам опираться на вечные ценности — Церковь, национальную историю и культуру.

Несмотря на необходимую сегодня иностранную помощь, нужно рассчитывать в первую очередь на собственные силы, на самих себя, ибо никакая помощь не бывает совершенно бескорыстной.

Доказательством способностей нашего народа является то, что было достигнуто за последний один из наиболее трагичных периодов нашей истории, давшей миру выдающихся представителей во всех областях человеческой деятельности — таких, как Александр Солженицын и многих других.

Мы с Великой княгиней были очень рады и тронуты встретиться с вами, увидеть ваши молодые и полные надежды лица.

Мои молодые друзья, не забывайте о вашем долге перед отечеством. К родине нужно относиться так же, как к родной матери, — бережно и с любовью.

1) Одна из первых серьезных попыток предпринята в книге Д. А. Хомякова (сын известного славянофила) «Православие, Самодержавие и Народность» (Монреаль, 1982) — здесь и далее прим. ред.

раздался залп „Авроры"... Как только позволили обстоятельства и техническая подготовка, он попытался эту мысль реализовать. Первая попытка оказалась неудачной. Солоневич вместе с братом и сыном Юрой был захвачен с оружием в руках на пути в Финляндию. Целый вагон чекистов, наведенных провокатором, „ломал" троих великанов. Все получили по сроку. В зоне трогательно воспетого Горьким Беломорканала и проходит подготовка к новой попытке побега. Этому, собственно, и посвящена „Россия в концлагере" — эпический „доклад" о мотивах и подготовке побега.

Лагерные бараки были отвратительны, но „на воле я видал и похуже, и значительно похуже", — пишет Иван Солоневич. В этом страшном в своей обличительной силе очерке он не жалуется на судьбу, не хнычет, не клеветает на Россию, как многие последующие лагерные литераторы. Он ставит диагноз, дает фотографию, потому что „для антисоветски настроенного читателя агитация не нужна, а советски настроенный все равно ничему не поверит... Энтузиастов не убавишь, а умным нужна не агитация, а фотография". Здесь и мотивация побега: „Когда голодаешь этот по-ленински — долго и всерьез, вопрос о куске хлеба приобретает... унижительные высоты". И еще: „Когда у вас под угрозой револьвера требуют штаны — это еще терпимо. Но когда у вас под угрозой того же револьвера требуют, кроме штанов, еще и энтузиазма, жить становится вовсе неумогу, захлестывает отвращение".

Иван Лукьянович с сыном Юрой бежал из Свирского лагеря в июне 1934 года, вскоре после выхода закона о неприменном расстреле без суда за попытку бежать из страны. 250 верст по карельской тайге и болотам с тяжеленными рюкзаками за плечами двое Солоневичей преодолели за 16 суток. И в первый же вечер в Финляндии горькие думы приходят на ум. Ночь на пролет курит старый спортсмен, глядя в сторону любимой родины, над которой кроваво-красными полотнищами алеет восход.

Однажды в лагере ему встретилась девочка, вся иссохшая от голода. Она жадно смотрела на то, как он выносит кастрюлю с замерзшим супом, а затем бросилась отогревать ее своим тщедушным тельцем. „Я стоял перед нею как пришибленный", — пишет Солоневич, — полный великого отвращения ко всему в мире, в том числе и к самому себе. Как это мы, взрослые люди России, тридцать миллионов мужчин, могли допустить до этого детей нашей страны? Как это мы не додрались до конца... Что помещики? Что капиталисты? Что профессора? Помещики — в Лондоне. Капиталисты — в нарком торге. Профессора — в академии. Безвилл и автомобилей, но живут. И вот на костях этого маленького скелетика, миллионы таких скелетиков, будет строиться социалистический рай... Вспомнилась фотография Ленина в позе Христа, окруженного детьми: „Не мешайте детям приходить ко мне". Какая подлость!"

Солоневич решает „додрасть до конца" против лицемерной подлости, опутавшей его родину, которую ему больше не доведется увидеть. Распутать клубок вопросов, связанных с темой „почему не додрались", а главное, в простых и ясных словах выразить национальный идеал, замутненный упражнением мириады литераторов и „приват-доцентов", — вот, пожалуй, задачи, которые берет решать Иван Солоневич. И решает он их так, что только по прошествии многих лет сумела просочиться информация о нем и его работах на нашу многострадальную родину, — так было „заблоки-

ровано" само имя Солоневича. Как еще заблокированы имена Вашилова, Криворотова, Краснова...

„Россия в концлагере" написана в 1938 году. Вышла тремя изданиями подряд. Была переведена на английский, французский, немецкий, шведский, голландский и другие европейские языки. И тем не менее замолчана. Слишком „Русью пахло". Слишком неотделим был автор от народа, который в очередной раз хотелось представить „рабом", „бездарным", „слабым", „погибшим". И слишком был он ясен, не в пример патентованным литераторам и публицистам, кормившимся, по всей видимости, не только Западом, но и НКВД.

София. Здесь Солоневич начинает издавать „Наше Газету". Она была настолько наша, что против нее ополчались как эмигранты, так и советские спецслужбы. Три смертных приговора получает „по почте" Солоневич. Три покушения переживает. Первый номер „Нашей Газеты" вышел 18 июня 1936 года. Через два года (3-го февраля 1938-го) приходит посылка на имя Ивана Лукьяновича. Она попадает в руки его жены, Тамары Владимировны... Взрыв страшной силы унес жизни самого дорогого человека и сотрудника газеты Николая Михайлова. Чудом остались живы Юрий и сам Иван Лукьянович. Через три дня после похорон он пишет статью, в которой говорит о своем согласии с большевиками. Согласии в их оценке именно газеты Солоневичей как самого опасного врага оккупантов его родины, выбравших жертвой не Мережковского да Бердяева, а именно его. Но вполне возможно, что посылку со взрывчаткой послали по линии НТС. „Солидаристы" ненавидели Солоневича, пожалуй, не меньше НКВД.

Поначалу, когда Солоневичи делали доклад Зарубежью, как „прибывшие из стана врага разведчики", они никому не мешали. Спокойная жизнь за кофе, мемуарами, игрою в вист продолжалась.

Но среди двухмиллионной эмиграции были люди, которые оправдывали самое бытие эмиграции, сохранившие живую душу, неподдельную любовь к России. Те, кто не состоял или ушел из организаций, разочаровавших их своим трепом и бездействием, „программами" и „платформами" (как и нынче в патристических движениях). Откликнулась молодежь, почувствовав подлинное. Эти-то люди и образовали „штабс-капитанское движение".

Когда рапорт о России был закончен, Иван Лукьянович поднял совершенно естественный и неизбежный вопрос: а что же делала все эти годы эмиграция? Что вы, господа хорошие, сделали вот за это время, когда мы, подсоветские, ежедневно и ежечасно вели там страшную, звериную борьбу за жизнь? Вот тогда-то на него и обрушилась брань. Обвинения одно другого нелепее, одно другого грубее и грязнее. Вчерашние „друзья" старались заполнить страницы своих и чужих, лобезно предоставленных по этому случаю газет самыми гнусными обвинениями. Но Солоневич и после этого не ушел в частную жизнь, а ведь только что похоронена жена. Он говорит открыто, что вот с такими-то и такими-то идеями идти в Россию нельзя, что такие-то и такие-то неприемлемы там, что эмиграция обязана проснуться.

Призыв Солоневича, обращенный к „среднему слою", на который опирается всякая государственность, к слою, названному им „штабс-капитанами", был услышан. „Штабс-капитаны" веками строили наше государство, беззаветно и незаметно исполняя свой долг, они поняли, что Россия ждет от них результатов данной им судьбою

двадцатилетней заграничной командировки.

Люди начинают объединяться. В разных странах возникают кружки. „Неорганизованная организация" объединяла стремящихся работать для России. Пополняют образование, избавляются от предрассудков, стремятся стать политическими эмигрантами, перестают быть просто обывателями.

Солоневич старается их объединить в „Земельный", „Педагогический" и другие центры „штабс-капитанского движения". Задачу ставит вполне определенную: освобожденная Россия должна получить тысячи исповедующих русскую национальную политическую идею агрономов, педагогов, священников, инженеров, врачей...

Идейное обеспечение предназначалось Солоневичем „Белой библиотеке", создаваемой им и его ближайшими помощниками. Политическое кредо должна была выразить „Белая империя" — труд, к которому он приступил в конце 1930-х.

Мне в руки попала статья из газеты „Наша Страна" (7-го августа 1938 года), подписанная псевдонимом „Галлиполиец К. Г.". В ней говорится как раз о периоде карнавала шестивия прикрывшихся лозунгами людей, безликих фигур, бродивших среди растерянной эмиграции. Период — сродни нашему: одни прогамные бумажонки да мудреные расплывчатые идейки. Но вот когда в жизни эмиграции появился „великий бунтарь, демагог и разлагатель" Иван Солоневич со своими прямыми вопросами и без программки и идейки, — разразилась буря. „Кто он такой? — спрашивает „Галлиполиец". — Где его программа? Где идеология? Носители плакатов, пунктиков и параграфов попали в весьма затруднительное положение. В самом деле, что можно было отвечать этому „нахалу"? Что ему доказывать! Ведь если г-н Бердяев говорит, что национализм штука отвратительная, то г-н Тхоржевский может доказывать, что национализм, наоборот, штука весьма очаровательная. И при встрече с г-ном Бердяевым г-н Тхоржевский вежливо снимает шляпу, а если придется, то и разыграет с ним пулю. Но что вы ответите и как отнесетесь к человеку, который назвал вас идиотом, трусом или плутом? Какими пунктами и параграфами можно здесь оперировать?

Грызня в эмиграции, конечно, дело не новое, — продолжает „галлиполиец", словно он — участник иных наших патристических „тусовок". — Но с участием И. Л. она приобрела другой смысл. Дело в том, что И. Л. не только ругался. Он предвзвешенно обрисовывал типы зарубежных деятелей и, пользуясь своим исключительным по силе и оригинальности талантом, заставлял их оживать и двигаться. Он припирал их к стенке своими прямыми, ясными до беспощадности вопросами и заставлял выявлять свое истинное отношение к целому ряду явлений..."

Прервемся на минуту. Чтобы вполне представить себе тогдашний шок, смоделируем ситуацию на нынешних условиях. Представьте, появляется нахал, который говорит, например, следующее:

— Господин такой-то! Вы мое поколение агитировали „за коммунизм", а нынче, выйдя из партии, агитируете „против". И тогда и, естественно, теперь вы были и остаетесь, надо полагать, взрослым, ответственным за свои слова и дела, психически нормальным человеком. Не подлец ли вы? — Подлец.

— Господин такой-то! Вы возглавили такую-то организацию с названием и программой, привлекательных для честных, хоть и наивных людей. Кроме трезвона, от вас ничего не исходит уже изрядное для делания Дела

время. Не провокатор ли вы? — Провокатор!

— Господин такой-то! Вас страна знала как честного и прямого человека. Вы заботились о том, чтобы известность ваша не спадала, — и молчите. Не трус ли вы? — Трус!

.... В ответ на вопросы Солоневича одни молчали, другие что-то бормотали, третьи просто ругались, — продолжает автор газеты, которую филологи-журналисты смогут изучать лишь при условии подлинного возрождения России. — Сильной бесцеремонной рукой выживал И. Л. спрятавшиеся за плакатами фигурки и преподносил их во всей их натуральности рядовому эмигранту. И, лишь показавши таким образом, давал свое заключение.

Одновременно с этим И. Л. все более и более обнаруживал и свое собственное лицо. Свойство его литературного таланта таково, что, читая его статьи, вы слышите его голос, видите его улыбку, замечаете, когда он взволнован, когда устал, когда возмущен, когда доволен. К И. Л. нельзя было относиться как к писателю, политику или мыслителю. К нему можно было относиться как к живому человеку. Объединиться с ним лишь на основании пунктиков, параграфов и идей было невозможно. Он отбрасывал все это, подходил вплотную к тому, кто эти пунктики предлагал, и ставил в упор вопрос: „А что вы собою представляете, милостивый государь?"

Сам монархист, он обличает монархистов. Сам демократ, он обличает демократов. Его крылатая фраза „генералы бывают разные" — как нельзя лучше объясняет смысл его борьбы. Он ведет отбор по признаку внутреннего содержания человека. Монархисты для него тоже бывают разные. Демократы — тоже разные. Прикрыться фразой, лозунгом, программкой мало — нужно показать, кто ты такой.

После Софии была Германия. Предвоенная. Солоневич всеми силами пытался развеять мифы, призванные идеологически подготовить „блицкриг" против „колосса на глиняных ногах России". Но немецкие интеллектуалы лишь лукаво покачивали головами — и не верили. Фашистская профессура предпочитала верить русской литературе и русской историографии, с тевтонской любовью к документам, полагая, что именно в них — правда.

По мнению же Солоневича, „русскую психологию характеризуют не художественные вымыслы писателей, а реальные факты исторической жизни. Не Обломовы, а Дежневы, не Плюшкины, а Минины, не Колупаевы, а Строгановы, не „непротивление злу", а Суворов, не „анархические наклонности русского народа", а его глубочайший и широчайший во всей истории государственный инстинкт". То, что СССР — не Россия, что искусственные конструкции бездарной „государственности", направлены как раз на развал всякой государственности на территории России в угоду „мировой закулисе" (по выражению Ивана Ильина) или в угоду чуждому нашим широтам, но неумолимо агрессивному и размножающемуся этносу — явление не только не русское, но, наоборот, противорусское, — было убедительно показано и доказано Солоневичем в таких его работах, как „Великая фальшивка Февраля", „Диктатура импотентов" и „Диктатура слоя".

„Белая империя", начатая до войны в Софии, дописывалась в Аргентине, превратившись в „Народную монархию". Труд получился настолько капитальным и убедительным, что „врата мирового признания", ему, впрочем, ненужные, оказались перед ним хлопотны. Попутно заметим, что абсолютное молчание на Востоке и на Западе — это есть вернейший признак

того, что доля истины в произведении явно превышает дозволенный мировыми манипуляторами общественного мнения предел. К таким книгам относятся и книги Б. Башилова, и «Война темных сил» Маркова-Второго, и произведения А. Шмакова, не говоря об архивных документах, занимающих изрядную часть в работах Роберта Вильтона<sup>3)</sup> или советско-американских ДСП (литература для служебного пользования) по поводу вопросов, связанных с началом, существованием и концом «Третьего Рейха». Интересно, что начавшая у нас период перестройки и гласности (через Горбачева) Англия не торопится открыть архивы времён Второй Мировой войны, и даже архивы по делу о дуэли Пушкина и Дантеса!.. Ах, Запад, милый паразитический Запад, несравненный по цинизму в отношении России Запад, до каких пределов распространяется твоя холёная наглость!..

Разумеется, пересказать «Народную монархию» — дело безнадежное, хотя остановиться на ней необходимо. Здесь содержится тот самый ясный взгляд на вещи, на русскую историю, которого нет и не может быть ни в официальных писаниях советского времени, ни в нынешней части патристической печати (о явно противорусской говорить не стоит), авторы которых не стращали с уст своих формулы типа «рано еще», «не поймут», а то и «Ленин не так писал», «Маркс по-иному говорил». Как будто интеллигент Ленин, полжизни проживший за границей, хоть сколько-нибудь любил Россию; как будто Маркс знал лучше русского крестьянина, что тому нужно в географических пределах им же созданной державы!

Отрадно, что первую брешь в официальной прессе пробила «Молодая Гвардия» (1989, номер 6,12), «Наш Современник» (1990, номер 5), газета МВД СССР «Ситуация» и «Русский Вестник» (пробный номер). Еще более отрадно, что «Кубань» напечатала «Россию в концлагере», (1991, номер 1-5), а издательство «Молодая Гвардия» издала только что «Народную монархию». Даст Бог, выйдут «Великая фальшивка Февраля» и «Диктатура слоя». Но вот что интересно. Чуть ли не год лежит заказанная подборка материалов Солоневича в одной патристической, но без «стеба» и газете «правой», так сказать; и столько же — записанная на пленку передача о нем на «левом» «Радио России», где выступали все — от Ю. А. Афанасьева до Нины Андреевой. Крайне характерно! Все многообразие мнений, вся полифоничность «патристической» печати, и не только ее, имеют вполне зримые (и объяснимые) границы. За «пределом» как раз остаются те мысли и тот комплекс идей, который только и составляют суть русской идеи в ее химически чистом виде, не «разбавленной» эклектикой и «с чем-то можно согласиться, с чем-то...»

В игры с нами играют, православные. Только полусамиздатские газетки-листки типа «Земщины» и терпимы нашим перестроечным Агитпропом, в сравнении с которым Геббельс — дитя. Причем этот изящный бойкот распространяется и на эмигрантские издания типа «Вече» или «Посев»...

И здесь мы подходим к трагедии Солоневича, да и всех по-настоящему правых, начиная с 60-х годов прошлого века.

<sup>3)</sup> Башилов Б. История русского маонства. Т. 1 по 8-й Буэнос Айрес; Марков Н. Е. Войны темных сил. Кн. 1-2, Париж с 1928-1930; Шмаков А. С. Свобода и евреи. М., 1906; Его же. Тайное международное правительство. М., 1912; Вильтон Р. Последние дни Романовых, Берлин 1923.

Как и следовало ожидать, «Литературная Россия» в приложении своем «Русский рубеж» повторила старое обвинение Солоневича в работе на пользу фашистской Германии. Это — одна сторона. В Аргентине же ему устроили травлю «солидаристы» — вплоть до доносов в правительственные органы, в которых Иван Лукьянович значился как «агент КГБ».

Вот так, православные, и нас загоняют в коридор: или за Сталина и коммунистический ренессанс, или против Сталина и... против русской Державы, против истинного возрождения. Так — конц-лагерь, этак — лагерь-конц. Конечно, все больше людей, которые стали замечать грубую «упакованность» понятий, кто постепенно излечивается от духовного дальтонизма и скорее чувствует, нежели знает о третьем пути. Да вот сорганизоваться такие люди пока не могут; и история содержится в искаженности, и проти-

водействие со стороны «технологов гражданской войны» не столько велико, сколько изощренно. Фальшь эклектики чувствуется, особенно молодыми. Вот они и замкнулись. И как ни подзадоривают их большевики («коммунисты», «демократы» и «патриоты»), — не торопится наша мудрая молодежь на баррикады, в который-то раз за последний век. Нет пока у наших «штабскапитанов» «Белой библиотеки», которая утвердила бы их в том, что хранит еще их генетическая память. И пока нет ее, они не станут принимать участие в названной игре. Успеют прозреть — выживем, не успеют...

Травили Солоневича беспощадно. Американский профессор Виктор Порфирьевич Петров, хорошо его знавший, рассказывает, насколько жестокий был устроен пресс из обвинений «солидаристов». Столь жесткий, что даже такой могучий человек, как Иван Лукьянович, вынужден был покинуть

Аргентину. Но в Уругвае, где в те поры была сильна иная эмиграция — германская, клише «он — против Гитлера» сработало еще страшнее: Иван Лукьянович Солоневич в расцвете сил и творчества погибает при довольно загадочных обстоятельствах, в 1953 году, 62-х лет от роду.

Смеем предположить, что тайные пружины истории, скрытые от глаз стадо голосующих во всех уголках мира, соединены в нечто целое, назависимо от внешних этикеток — «капитализм», «социализм» и прочих. Смеем предположить, что если из соображений поддержания престижа Берии в глазах Сталина американцы отдали ему как главе атомного ведомства СССР секрет атомной бомбы; если перестройка с ее запрограммированным спадом началась аккуратно в начале стагнации экономики Запада; если «русским защищаться запрещено» при любом генсеке и на любом континенте, то возможно и такое: Солоневича убрала внешне многолика, но скрыто единая антирусская сила. Убрала как опасного политического деятеля, который не стал бы «играть в эти игры» и вывел бы на чистую воду антирусскую мразь, под каким бы обликом она не пряталась. Почему именно антирусскую? Потому что дело возрождения России затрагивает интересы «мировой закулисы» самым прямым образом, и если учесть, что планы «перестройки» были готовы уже к тому времени, и если бы не «дело врачей», «засветившее» Берию, то он, а не А. Н. Яковлев и Ко, стал бы главным архитектором восьмой масонской провинции, именуемой «Россией» (см. Лонгинов. Новиков и московские мартисты; М., 1876 и др.).

«Штабс-капитанское движение», потеряв своего лидера, потеряло многое, если не все: динамизм, перспективу, напор. Вот что значит лидер. Соответственно (мы это видим своими глазами), что значит его отсутствие. Понятно, что врагам России надо во что бы то ни слало не допустить появления такого лидера. Они и следят за тем, чтобы не «выскочил какой-нибудь», а на всякий случай подсовывают псевдогероев: или тупых, или хитрых, или больных, или знающих, что о прошлых грехах «кое-где» хорошо известно. Вот и вся недолга.

Но это, как и явная абсурдность парламентской системы в условиях России, — «от обратного» доказывает жизненную необходимость монархии. Народной, а не сословной. Самодержавной и освященной православием, а не тиранической, узурпаторской. Наследственной, что гарантирует преемственность политики в материальную заинтересованность только во благо вверенной Богом Державы, а не конституционной, отдаваемой на потребу всегда подкупаемых парламентских фракций. Неограниченной, ибо ограничить самодержавия может только закон Божий, потому и отношения ктиорства между Царем и Церковью входят в понятие Самодержца: Царь «хранит веру православную» — Церковь предостерегает Помазанника от отступления от заповедей Христовых... «Диктатура слоя» печется о том, чтобы быть влиятельным посредником между народом и главой государства, заинтересована в том, чтобы он был как можно более уязвим и управляем. «Слой» же вот уже второй век создает с помощью «литературы» стойкое неприятие народом самой идеи монархии, и весьма в этом преуспел.

Нынче, в эпоху одичания и страсти попиловать во время чумы, читатель сочтет эти рассуждения бредом или пустой абстракцией, хотя, быть может, от того, насколько серьезно он воспримет идею монархии, зависит, быть ему, читателю и его детям, или не

## НЕКОТОРЫЕ УТОЧНЕНИЯ

Воспризводя сегодня из «Нашего Современника» (№ 11, 1991) прекрасную работу Игоря Викторович Дьякова об основателе «Нашей Страны», мы вынуждены исправить некоторые вкравшиеся в нее фактические ошибки, неизбежные впрочем именно в силу той «замолчанности» имени И. Л. Солоневича, о которой говорит автор. Нижеследующие поправки и дополнения сверены с проживающим в Вирджинии, США, сыном писателя Юрием Ивановичем Солоневичем.

1. У отца писателя, Лукьяна Михайловича, не было никакого брата Трофима.

2. Иван Лукьянович действительно дружил с Иваном Поддубным, но в шутку жаловался, что у него с ним не выходит «всероссийской платформы» — Поддубный водки не пил вообще, ибо легко пьянел.

3. Служил в Белой армии брат (не двоюродный) Ивана Лукьяновича. Он погиб от тифа.

4. В «Известиях» Иван Лукьянович не сотрудничал и Юрий Иванович отрицает, чтоб он писал пособия по спорту для ГПУ.

5. Ни Иван Лукьянович, ни его сын не эвакуировались в Турцию вместе с белыми. Сделал это Борис Лукьянович. Однако пробыв в Константинополе всего лишь неделю, он вернулся в Россию.

6. Описанная И. В. Дьяковым как первая попытка бежать из СССР, на самом деле является второй. Первый раз Солоневичи были вынуждены вернуться, так как, из-за магнитных аномалий, заплутали и пришли к месту откуда вышли.

7. Из Свирского лагеря бежал Борис; Иван и Юрий ушли из ББК.

8. «Россия в концлагере» была переведена на 16 языков, но английский издатель, купив копирайт для этого языка выпустил всего лишь три тысячи экземпляров в отвратительном переводе. В результате, по-английски книга как бы и не существовала.

9. Газета издаваемая Иваном Лукьяновичем в Софии называлась «Голос России». После того как вышло более сотни номеров власти ее закрыли в 1938 году. Иван Лукьянович почти сразу же возобновил ее издание, но под новым названием — «Наша газета».

10. Юрий Иванович считает неправильным называть его отца демократом, и определяет как «ерунда на постном масле», упомянутую «Литературной Россией» мнимую «работу писателя на пользу Германии». Наоборот, нацисты в начале советско-германской войны запретили ему всякую политическую деятельность и сослали с сыном в немецкую деревушку «под надзор», откуда он сбежал в конце войны «велопешком» в английскую зону. Его брат, Борис Лукьянович, был сразу арестован в Брюсселе и заключен в страшный лагерь «Брендонк». Там он чуть не ослеп на тяжелых принудительных работах и после долгого заключения обязан был ежедневно являться в Гестапо.

11. Юрий Иванович также отвергает версию, что бомбу 3-го февраля 1938 года прислали солидаристы: «разве, что они могли быть наводчиками». Сам же Иван Лукьянович недвусмысленно и неоднократно указывал, что адскую машину подкинули большевики.

12. Юрий Иванович отвергает начисто и версию о «загадочных обстоятельствах» смерти отца. «Батяка все последние 25 лет жизни страдал катаром желудка, но при этом не переставал пить водку, что было ему противопоказано. В Уругвае, после высылки из Аргентины, его наконец оперировали и нашли, что желудок съеден раком».

И, как говорится в англосаксонском мире, last but not least (последнее, но не по важности): утверждение, что провокация проникла в «Нашу Страну» следует также причислить к разряду неточностей.

Редакция

